

Любовь Эллиевна Заварзина родилась в Казахстане. Окончила филологический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. Кандидат педагогических наук. Работала учителем русского языка и литературы, научным редактором журнала «Русский язык и литература в казахской школе», преподавателем высшей школы. В настоящее время доцент кафедры общей педагогики Воронежского государственного педагогического университета. Автор более 300 публикаций историко-педагогической и филологической тематики. Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина, премии правительства Воронежской области. Живет в Воронеже.

Любовь Заварзина

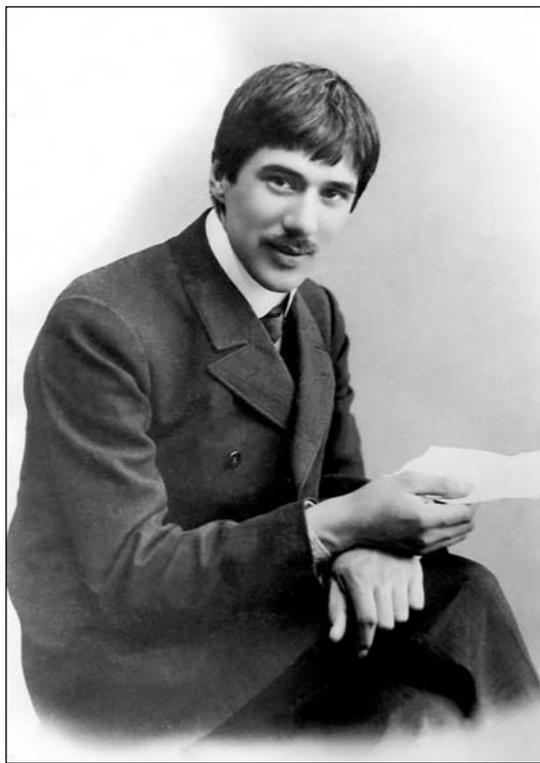
ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ САМОРАЗВИТИЯ

(Корней Чуковский:
у истоков творческой биографии)

Корней Чуковский (настоящая фамилия Николай Корнейчуков) (1882–1969) вошел в историю российской культуры как выдающийся литературный критик, литературовед, мемуарист, переводчик, теоретик художественного перевода, лингвист, детский писатель, исследователь детской психологии, прежде всего детской речи. Он — крупнейший отечественный некрасовед: за книгу «Мастерство Некрасова» удостоен Ленинской премии (1962). К.И. Чуковскому присуждена почетная степень доктора литературы Оксфордского университета (1962).

Необычен процесс становления творческого пути этого человека. Не менее интересно формирование его личности. Конечно, ключевую роль в этом процессе играют годы детства. «Линии, намеченные в первые годы, свойства, приобретенные в раннем детстве, никогда не стираются, никогда не исчезают, дальнейшее развитие будет лишь наполнением, отделкой, дополнительными черточками той фигуры, которая нарисована на заре человеческой жизни»¹, справедливо утверждал выдающийся педагог и психолог П.Ф. Каптерев.

¹Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб., 2004.

Корней Чуковский в молодости

Корней Чуковский родился в Петербурге, но вскоре, как писал он впоследствии, мать с двумя детьми переехала на житье в Одессу. Вероятно, отец вначале давал «какие-то деньги на воспитание детей», поскольку Николаю отдали учиться в одесскую гимназию, однако окончить учебное заведение ему не пришлось. Поводом к исключению послужила диктовка, чемпионом которой всегда бывал Коля Корнейчуков. Он, желая поддержать товарищей, придумал необычный способ помощи им. Его нога и ноги одноклассников были соединены бечевкой, дергая которую определенным количеством раз, можно было, по мнению изобретателя, правильно расставить знаки препинания. Так, одно дерганье требовало постановки запятой, два — восклицательного знака и т.д. Но скорость, с которой гимназисты писали диктант, была у всех разной, поэтому знаки препинания они ставили не только не там, где нужно, но и даже в середине слова.

Этот удивительный случай подсазки художественно описал Чуковский в книге «Серебряный герб». В произведении некоторые исторические факты смещены. Так, например, главному герою повести пришлось покинуть гимназию в более раннем возрасте, чем это произошло на самом деле с Николаем Корнейчуковым. Будущего литератора изгнали из гимназии в 1898 году.

Причину исключения Николая Корнейчукова из гимназии, как правило, связывают с циркуляром «О кухаркиных детях»: мать Коли была прачкой. Однако это директивное распоряжение министерства народного просвещения, получившее юридическую силу еще в 1887 году, не помешало поступлению сына крестьянки в одесскую гимназию. Спустя же шесть лет гимназическое начальство «вдруг вспомнило» о существовании этого приказа министра И.Д. Делянова и о социальном положении гимназиста Корнейчукова, чем и обосновало его исключение из привилегированного учебного заведения. Видимо, поступление Николая в гимназию и его пребывание в ней сопровождалось определенной мздой, получаемой директором от матери ученика. Как только материальное положение семьи Корнейчуковых ухудшилось, «поощрения» прекратились, руководство гимназии не преминуло воспользоваться пресловутым документом 1887 года.

В повести «Серебряный герб» финансовая подоплека практически не освещается, а исключение из гимназии связывается в основном то с нашумевшими последствиями диктовки, то с непочтительным отношением к учителю Закона Божьего, то с другими мелкими проступками подростка.

В действительности же среди мотивов исключения имели место и другие факторы. Во-первых, с точки зрения педагогов и руководства гимназии, Корнейчу-

ков был далеко не паинькой. Изобретательные проказы Николая способствовали тому, что учителя и директор его «дружно терпеть не могли». Во-вторых, Н. Корнейчуков нарушал правила поведения не только пребывая в гимназии, но и находясь вне ее. Так, однажды Николай отправился на публичные лекции по философии, которые читал известный профессор Н.Н. Ланге в Новороссийском университете, хотя знал, что посещать подобные мероприятия гимназистам запрещалось. Первым, кто увидел высокого учащегося, был директор гимназии Юнгмейстер. На следующее утро состоялась серьезная беседа с разгневанным начальником. Своё присутствие на лекции, посвященной философии И. Канта, Корнейчуков объяснил тем, что хотел уяснить себе строку из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, в которой о Ленском сказано, что он «поклонник Канта и поэт». Более весомым «преступлением» ученика было издание рукописного журнала, в котором критиковались гимназические порядки и учебники. Директор был взбешен не столько содержанием статей, сколько самовольством «издателей», они, зная, что школьная журналистика запрещена гимназическим уставом, грубо нарушили его. По-настоящему, пишет И. Лукьянова, что положение Н. Корнейчукова «можно было поправить только очень большими деньгами, которых у семьи не было. И то вряд ли: терпеть у себя вольнодумца, нарушителя дисциплины, да еще прачкина сына, гимназическое начальство не собиралось. Мать напрасно присидела шесть часов в приемной директора».

Николай был удручен не столько исключением из гимназии, сколько страданием матери, которая во что бы то ни стало стремилась дать детям образование. Мать — ближайшее ребенку лицо, она первая и главная воспитательница. «Мать, — подчеркивал П.Ф. Каптерев, — несомненно, долгое время служит образцом для своих детей во всем, а подражательные способности и склонности детей весьма велики»². Мать Николая безусловно оказала сильное влияние на становление личности сына, являясь для него примером во многих жизненных ситуациях.

Екатерина Осиповна Корнейчукова — «чернобровая, осанистая, высокая женщина» с красивым и правильным лицом — была из крестьян. На жизнь зарабатывала шитьем и стиркой. Но сын никогда не слышал, чтобы его мать кто-нибудь называл прачкой. Стирала она преимущественно ночью, целый день же проводила за глаженьем. Узлы с бельем приносила ей дочь соседнего дворника, она же и развешивала белье. Екатерина Осиповна держала себя гордо, с достоинством, никогда никому не кланялась, никого ни о чем не просила. Походка «у нее была величавая». «По праздникам, уходя со двора, надевала кружевные перчатки и стеклярусную черную шляпку», торговки на рынке называли ее «мадам». В единственной комнате Корнейчуковых было очень нарядно и уютно «от занавесок, цветов, полотенец, расшитых узорами, и все это сверкало чистотой». Очень любила Екатерина Осиповна чистоту: блестел не только самовар, подсвечники, медная ступка, но и три ветхие ступени, ведущие к двери; она мыла даже широкие плиты, которые располагались перед крыльцом. «В ночь спала она два-три часа и охотно отказывалась от этого краткого отдыха, если ей вдруг придет в голову выбелить известкой погреб».

В дневниках, художественной прозе К.И. Чуковского предстает портрет Екатерины Осиповны — набожной, строгой, в то же время обладающей тонким юмором, трудолюбивой женщины, которая прекрасно поет, заразительно хохочет, когда слушает Гоголя, шепотом читает «Братьев Карамазовых», преклоняется перед умом и образованностью. Не случайно сын ее назвал «умной», «удивительной» матерью.

² Каптерев П.Ф. Матери великих людей // Воспитание и обучение. 1893. № 9.

Екатерина Осиповна как мудрая женщина интуитивно чувствовала, что в детстве «намечается вся природа, все существо человека», усваиваются неискоренимые привычки, возникает общий очерк личности человека. Она, позднее писал Чуковский, «воспитывала нас демократически — нуждою» и трудом. Коля и его старшая сестра Маруся должны были каждый день наполнять огромную бочку водой и в других делах обязательно помогать матери.

В данном случае жизнь подтвердила справедливость теоретических заключений некоторых педагогов, в частности В.В. Розанова: «Нужда и бодрый труд ... вот лучшая атмосфера для воспитания». Екатерина Осиповна научила сына главному — умению трудиться.

Без ежедневного, огромного, систематического труда невозможно представить жизнь знаменитого литератора. Об этом его дневниковая запись, сделанная новогодней ночью 1923 года: «Новый год. Я снова засяду за Конрада, — вот только доем булочку, которую купил вчера у Беца. 1922 год был ужасный год для меня, год всевозможных банкротств, провалов, унижений, обид и болезней. Я чувствовал, что черствую, перестаю верить в жизнь, и что единственное мое спасение — труд. И как я работал! Чего я только ни делал! С тоскою, почти со слезами писал «Мойдодыра». Побитый — писал «Тараканище». Переделал совершенно, в корень свои некрасовские книжки, а также «Футуристов», «Уайльда», «Уитмена». Основал «Современный Запад» — сам своей рукой написал почти всю *Хронику* 1-го номера, доставал для него газеты, журналы — перевел «Королей и капусту», перевел Синга».

О серьезном отношении к труду, о трудовой дисциплине, свойственной Чуковскому, вспоминал в своих заметках В. Непомнящий. Он, будучи молодым критиком, обратился к метру литературы с просьбой уладить возникшую с издательством проблему. Дело в том, что Непомнящий как автор не представил рукопись к определенному сроку, поэтому издательство расторгло с ним договор. Почтенный старец, уточнив детали ситуации, заключил, что издательство поступило совершенно справедливо. В оправдание молодой collega приводил веские причины, называл серьезные обстоятельства, которые мешали ему работать. Выслушав его, Чуковский сказал: «Вы рассказываете мне о своих обстоятельствах. Я понимаю, всякие бывают обстоятельства. Но я не могу сказать, что мои обстоятельства намного лучше ваших. Мне восемьдесят шесть лет, я больной старик, я пережил три голодовки, я полтора года сидел у постели умирающей дочери, я похоронил двух сыновей. И все это время я работал. Я работал каждый день, каждое утро, что бы ни случилось. Когда-то давно я служил в одной газете и должен был каждый день давать материал — каждый день! Время было голодное, жизнь у меня была очень тяжелая, я терял силы от истощения, но я должен был давать материал в газету каждый день, и я давал».

Этот фрагмент беседы выдающегося литературоведа с молодым коллегой не только интересен, но и чрезвычайно воспитателен. Чуковский никогда не позволял «душе лениться». К труду он был приучен с детства.

Труд стал основой, прочным фундаментом сильной личности К.И. Чуковского. Розанов, в частности, подчеркнул, что «трудом и нуждою воспитывается духовно здоровое, сильное; гениальное же в уме или особенно в характере воспитывается бедствием, незаслуженным несчастьем, продолжительным горем. Оно только одно истинно углубляет сердце и заостряет разум — сообщает второму великую, поражающую всех прозорливость, первому дает свет, всех привлекающий к человеку, всех ему покоряющий. Много умного, любопытного мы можем услышать от всякого, но проникновенное — только от человека, который когда-нибудь, в какой-нибудь форме, и иногда скрыто от всех людей, вынес что-нибудь особенное».

С таким «особенным» столкнулся в своей жизни и юный Корнейчуков. «Незаконным несчастьем», способствующим воспитанию характера Николая, даже более тяжелым ударом, чем исключение из гимназии, было «открытие» им своей незаконнорожденности. Обстоятельства, связанные с тем, что он и его сестра были рождены вне брака, долго оставались для Николая открытой раной. На протяжении десятилетий его не оставляли горькие воспоминания: он живо помнил свои ощущения второсортности, униженности, незащитности, испытанные им в подростковом и юношеском возрасте. Он чувствовал мучительный стыд, когда спрашивали об отце. Ему становилось нестерпимо стыдно, обидно и горько, когда дети рассказывали о своих семьях. Клеймо незаконности делало его уязвимым для, казалось бы, безобидных насмешек, а, порой, намеренно грубых издевательств. Даже такие обычные фразы со стороны окружающих, типа «Как вас по батюшке?», заставляли Николая внутренне вздрагивать и стыдиться своего положения. Жгучей болью и глубокой, не проходящей со временем, обидой пронизана запись в Дневнике, сделанная в 1925 году: «Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (кто я? еврей? русский? украинец?) — был самым нецельным непростым человеком на земле. Главное: я мучительно стыдился в те годы сказать, что я «незаконный». У нас это называлось ужасным словом «байструк» (bastard). Признать себя «байструком» — значило опозорить раньше всего свою мать. Мне казалось, что быть байструком чудовищно, что я единственный — незаконный, что все остальные на свете — законные, что все у меня за спиной перешептываются и что, когда я показываю кому-нибудь (дворнику, швейцару) свои документы, все внутренне начинают плевать на меня. Да так оно и было в самом деле. <...> в документах страшные слова: сын крестьянки, девицы такой-то. Я этих документов до того боялся, что сам никогда их *не читал*. Страшно было увидеть глазами эти слова. Помню, каким позорным клеймом, издевательством показалась мне аттестат Маруси-сестры, лучшей ученицы нашей Епархиальной школы, в этом аттестате написано: дочь крестьянки Мария (без отчества) Корнейчукова — оказала отличные успехи. Я и сейчас помню, что это отсутствие отчества сделало ту строчку, где вписывается имя и звание ученицы, короче, чем ей полагалось, чем было у других, — и это пронзило меня стыдом. «Мы — не как все люди, мы хуже, мы самые низкие» — и когда дети говорили о своих отцах, дедах, бабках, я только краснел, мялся, лгал, путал. У меня ведь никогда не было такой роскоши, как отец или хотя бы дед. <...> Особенно мучительно было мне в 16-17 лет, когда молодых людей начинают вместо простого имени называть именем-отчеством. Помню, как клоуны я просил всех даже при первом знакомстве — уже усатый — «зовите меня просто Колей», «а я Коля» и т.д. Это казалось шутовством, но это была боль».

Документ, засвидетельствовавший рождение ребенка, а именно метрическая книга петербургской Владимирской церкви, где крестили новорожденного, гласит: Николай, сын «Херсонской губернии Ананьевского уезда Кондратьевской волости украинской девицы деревни Гамбуровой Екатерины Осиповны Корнейчуковой, незаконнорожденный».

К.И. Чуковский, уже будучи известным литературным критиком и переводчиком, автором знаменитых детских сказок, решил обратиться к периоду детства и написать о нем произведение. Повесть называлась «Секрет» и публиковалась в журнале «Пионер» (1938). В заглавии писатель вынес именно то, что для него являлось самым главным, важным — тайна своей незаконнорожденности. Отдельное же издание повести было названо уже по-другому — «Гимназия», у книги был эпиграф — 121 статья Сталинской Конституции 1936 года о праве граждан СССР на образование. Точки зрения автора и издательства на произведение не были тождественными: для Чуковского ключевой являлась проблема его незаконнорож-

денности, а для редакторов, проводников советской идеологии, квинтэссенция книги состояла в исключении героя, сына прачки, из гимназии. Читатели не могли этого не заметить. А. Марголина, литературный критик, в частности, писала: «Непропорционально большое место, отведенное в повести «тайне» героя — его «незаконному» рождению ...наводит на мысль о дурных литературных традициях». По ее мнению, «выпячивание незаконнорожденности приводит к вредному смещению» повествования. Рецензент подходила к тайне ребенка, рожденного в другую эпоху, когда существовали свои традиции, свои нормы нравственности, с других, новых, а точнее, с идеологических позиций. Создается впечатление, что «если бы мать героя была такой же прачкой, но замужней, ей бы жилось совсем не дурно». А. Марголина в итоге заключала: «Так тема менее значительная и трактуемая в духе либеральной литературы о бедных сиротках ущемляет широкую социальную тему». Благодаря идеологическим, политическим, социальным изменениям, произошедшим в стране, ценностный вектор был существенно смещен. Личное, индивидуальное решительно отодвигалось или даже уничтожалось, уступая место общественному. Все личностное подвергалось нивелировке якобы в угоду обществу или классу. Глубокая боль, испытанная в детстве и юности Чуковским, в новую эпоху не находила понимания и сочувствия. Детей, рожденных вне брака, в молодой Советской республике, было чрезвычайно много.

Так уж парадоксально получилось, что в формировании личности будущего литератора значительную роль сыграло не присутствие, а отсутствие отца.

Что было делать 16-тилетнему отроку, изгнанному из гимназии, да еще незаконнорожденному? Единственным спасением и для физического, и для духовного существования Николай являлся труд. И он начал самоотверженно трудиться. Подросток не чурался никакой работы: помогал рыбакам чинить сети, наживлять переметы, клеил на перекрестках афиши о предстоящих гуляньях и фейерверках, а то, обмотав мешковиной голые ноги, ползал по раскаленным безжалостным черноморским солнцем крышам одесских домов, счищая старую, заскорузлую краску, чтобы можно было нанести новую.

Двойственные чувства испытывал Николай в этот период своей жизни. С одной стороны, ему нравилось проводить целые дни под открытым небом, взирать сверху на происходящее, видеть результат своего, нужного людям, дела, принести домой заработанный рубль. Но, с другой стороны, он испытывал боль и обиду, особенно в начале трудовых будней, когда, измаранный, шел по тем же улицам, по которым еще недавно его видели в гимназической форме и в фуражке с серебряным гербом. Чтобы не показать никому, что он чувствует себя отщепенцем, Николай «нарочно напускал на себя гордое презрение к насмешливым взорам», которые бросали на него окружающие. Но это была пустая бравада.

К презрительным взглядам окружающих Николай скоро привык, но каждый раз, при виде матери его охватывало горькое чувство: ему становилось жалко и себя и ее. Екатерина Осиповна ничего не говорила сыну о произошедшем и даже как будто была довольна тем, что подросток начал трудовую жизнь, но она так осунулась и похудела, что Николай понял: надо менять образ жизни. Он решил серьезно взяться за самообразование.

Еще учась в гимназии, Николай был одним из самых начитанных учеников. Читал он не только характерные для детей и подростков приключенческие книги, типа Майн Рида, но и совсем не свойственную этому возрасту литературу. Он очень любил стихи, многие знал наизусть, ценил в них не только содержание, но и форму, жил ими. Так, однажды в октябрьский очень туманный день Николай вместо того, чтобы идти в гимназию, пошел в Александровский парк, где, сидя в большой яме, на дне которой туман был гуще, читал Овидия. «Ритм Овидия» волновал его «до слез». Уже в гимназические годы он постоянно читал «Одесский

листок», где его особенно привлекали фельетоны В.М. Дорошевича. Читал «Ниву». В гимназии же он начал сочинять.

Николай чувствовал органическую связь с искусством слова. Пристрастившись к чтению, он научился дорожить миром литературы, знаний, культуры, ценить и любить его. Исключение же из гимназии закрывало путь к образованию, зато открывало путь к шантрапе, которой в Одессе было предостаточно.

Скатывания вниз, к счастью, не произошло, прежде всего потому, что огромную психологическую и педагогическую роль в этой ситуации сыграло подражание. «Человек, — подчеркивал П.Ф. Каптерев, — есть глубоко подражательное существо, его природа такова, что впитывает в себя всякие впечатления; подражательность есть великая формирующая сила, простирающая свое влияние на весь психофизический организм человека»³. Не только герои прочитанных книг и их авторы действовали на Николая воспитательно, но и одно, очень важное, ставшее судьбоносным, обстоятельство настроило его на труд, а не на бродяжничество, общение с недоучками и бездельниками.

Эта причина крылась в изучении английского языка. Однажды на толкучке Николай купил «Самоучитель английского языка», в предисловии к которому профессор Оллендорф «уверял самым категорическим образом, что всякий, кто с надлежащим вниманием отнесется к его канарейкам и теткам, в совершенстве овладеет английской речью и будет изъясняться на языке Джорджа Байрона, как уроженец Ливерпуля или Дувра». Автор «Самоучителя» обращался к читателю с самыми несуразными вопросами, типа: «Есть ли у вас одноглазая тетка, которая покупает у пекаря канареек и буйволов?» и предлагал самые нелепые тексты для чтения. Николай всем сердцем поверил Оллендорфу и ежедневно писал на одесских крышах, подлежащих окраске, несусветную чушь из «Самоучителя». Впоследствии Чуковский использовал эту методику, обучая своих детей английскому языку.

На каждой крыше Николай исписывал по 30–40 строчек английскими словами и фразами, пытаясь затвердить их наизусть. При чем учил он их в движении, или очищая старую краску с крыши, или нанося новую. Без учителей и консультантов Николай за короткий срок достиг значительных результатов в английском языке. На успех работали несколько факторов. Конечно, огромную роль сыграла воля юноши, которая немыслима без целеполагания. Николай весь находился во власти цели, поставленной перед собой: научиться так читать по-английски, чтобы «и Шекспир, и Вальтер Скотт», и обожаемый им Диккенс были бы ему доступны, как, например, Толстой или Гоголь.

Самую тесную связь с волей имеют чувства, «из них непосредственно истекают движения и поступки». Есть чувства, препятствующие развитию деятельности (страх, печаль); есть чувства, слабо побуждающие к деятельности (например, эстетическое); наконец, третью группу составляют чувства, возбуждающие деятельность, как-то: радость, самоуверенность, мужество, гнев, чувство соперничества, симпатия и др. Именно чувства третьей группы были близки Николаю в то лето, когда он энергично занимался английским языком. Так, вспоминал позже Чуковский, он испытал сумасшедшее счастье, когда в книжке «гениального американского писателя Эдгара По» нашел стихотворение «Аннабель Ли» и обнаружил, что понимает в нем «чуть ли не каждое слово».

Еще один случай, связанный с изучением английского языка и повлиявший на будущую профессиональную деятельность К.И. Чуковского, произошел с ним в юности. О нем знаменитый литератор вспомнил в торжественной речи на присуждении ему почетной степени доктора литературы Оксфорда «honoriscausa».

³ Каптерев П.Ф. О подражательности в психологическом и педагогическом отношениях // Образование. 1893. №7–8.

У соседки Корнейчуковых пропал любимый попугай. Безуспешные поиски очень опечалили женщину, как вдруг Николай отыскал пропавшую птичку. В награду он получил «серебряный рубль да какие-то зеленые книжки — четырехтомное сочинение какого-то Джемса Бозвелла Esqir под неинтересным заглавием: «Жизнь Сэмюэля Джонсона L.L.D.».

Николай, читая зеленый четырехтомник, интуитивно почувствовал в Сэмюэле Джонсоне родственную душу. Он видел человека, во-первых, страстно любившего книги, во-вторых, стойко переносившего все выпавшие на его долю невзгоды, которые сопровождали его с раннего детства. Школа родного городка, где Джонсон получил первоначальное образование, славилась в буквальном смысле железной дисциплиной, по мнению остряков, здесь не учили латыни, а всекали ее. В-третьих, пробелы школьного образования юный Джонсон пополнял чтением. В Оксфорде ему пришлось проучиться всего 14 месяцев: бедность и смерть отца, сделавшего его кормильцем семьи, не позволили окончить курс. Трудности закаляли характер, мотивировали поступки. Мысль, что на его долю выпало содержать своим трудом любимую мать, вдохнула в него энергию и укрепила самооценку. Невзгоды испытывали Сэмюэля, но он не отчаивался и не терял чувство юмора, о чем свидетельствовали оригинальные подписи в его письмах, например, такая: *Джонсон не обедавший*. Но случай сделал невозможное: Сэмюэль написал биографию своего умершего приятеля. Написал живо, занимательно и превосходным литературным языком: публике понравилось. Первый успех повлек за собой последующие. Наконец наступил период материальной обеспеченности и литературной славы. Большой популярностью у читателей пользовались его «Жизнеописания английских поэтов». Персона Джонсона стала привлекательной для читателей. С ним стремились познакомиться многие почитатели, среди которых особенно настойчивым оказался молодой шотландец Джемс Бозвелл. Он, познакомившись с главой английской литературы, в течение 20 лет тесно общался со своим кумиром, что позволило ему впоследствии написать о нем великолепную книгу, несравненную по своим биографическим достоинствам. Профессор Московского университета Н.И. Стороженко так писал о труде Бозвелла: «Перед умственным взором читателя восстает, как живая, массивная и неуклюжая фигура английского литературного диктатора, с его оригинальными манерами, неистощимым юмором и колоссальным здравым смыслом».

К Рождеству Николай осилил все четыре книги и с каждой страницей «все сильнее влюблялся в этот цельный, упрямый и гордый характер, в громадный, хотя и загуманенный предрассудками, ум, к которому так отлично подходят английские эпитеты *robust* [здравый] и *vigorous* [энергичный]». Действительно, справедливо полагал П.Ф. Каптерев, «присутствовать при зрелищах, читать романы и рассказы, быть свидетелем различных происшествий не значит только быть созерцателем, зеркалом, по которому скользят самые разнообразные впечатления, не оставляя на нем никакого следа; все эти факты затягивают в себя человека, как болота, невольно влекут его в ту сторону, которая ими указывается, заставляют совершать соответствующие движения»⁴. Сильное влияние книги о Сэмюэле Джонсоне на Николая было обусловлено прежде всего образцовым повествованием Бозвелла, что позволило юноше, обладавшему живым воображением, легко и явно представлять себе все, о чем он читал, как будто сам присутствовал при всех описанных событиях. Воздействие прочитанного усиливалось также наличием общего настроения, общих мыслей и чувств у автора и читателя, и, конечно, у героя произведения.

⁴ Каптерев П.Ф. Подражания детей книжным героям и подвигам // Воспитание и обучение. 1893. № 4.

Идейное влияние книги Дж. Бозвелла проявилось впоследствии и в творческой манере Чуковского: он изучал не только сочинения русских писателей, но и их личности, биографии. Широкую известность приобрели такие работы мастера, как: «Чехов» и «О Чехове», «Две души М. Горького», «Александр Блок как человек и поэт», «Поэт и палач», «Жена поэта» — обе о Н.А. Некрасове, «Анна Ахматова», «Гумилев», «Зоценко» и др. Чуковский не раз повторял: «Человек, его личность, психология, среда, вкусы, привязанности — самое интересное. Для меня не существует писателя вне его быта, условий, в которых он живет, вне его времени...». Утверждение «Биография писателя и его творчество — неделимы» являлось для Чуковского литературной аксиомой. Неудивительно, что, наставляя начинающих критиков, он говорил: «Нельзя изучать произведения, писать о них исследования и критические статьи, не зная до мельчайших подробностей жизнь писателя».

Говоря о юности Чуковского необходимо вспомнить еще одну педагогическую аксиому: «в живого человека, в живой организм ничего со стороны механическим путем внести нельзя, не расстраивая и даже не разрушая организма; внешними впечатлениями его можно вызывать только на собственную деятельность»⁵. Поэтому, подчеркивал П.Ф. Каптерев, «подражательность не есть механический акт, не есть перенесение без изменения состояния с одного лица на другое, не простое повторение и воспроизведение, а есть собственная деятельность известного лица, развиваемая им по поводу впечатлений, получаемых от другого лица»⁶.

Но собственная деятельность Н. Корнейчукова, начатая так энергично и плодотворно, примерно через год дала сбой. У него появился «злейший, коварнейший враг», который чуть было не разрушил все его планы и замыслы. Этим врагом, по словам Чуковского, был он сам. Он забросил учебники, стал увлеченно болеть за велосипедного гонщика Уточкина, в будущем прославленного летчика, с «сумасшедшей, бессмысленной страстью» увлекся бумажными змеями. И хотя он ночами корил себя за беспечную, праздную жизнь, за то, что он ест материнский хлеб, называл себя дармоедом и трутнем, давал себе слово исправиться и вернуться к труду и учению, однако утром его оставляли укоры совести и он шел «либо в гавань к пароходам и парусникам, либо на велосипедные гонки, либо на пожар, либо на бой петухов, либо просто гонять голубей», лишь бы не прикасаться к учебникам.

Екатерина Осиповна в этот период действовала как мудрый педагог: не читала нотаций, не попрекала куском хлеба, она ждала, когда сын сам поймет, что так жить нельзя. Именно о таком поведении матери повествует К. Чуковский в книге «Серебряный герб» (в третий раз переименованная повесть о школьной поре).

Внешним толчком, повлиявшим на изменение образа жизни Николая, стал его бывший одноклассник, отставший вследствие болезни от школьной программы и нуждающийся в помощи. Вместе с Николаем они стали решать задачи, переводить из Вергилия. Эта совместная деятельность, в которой Николай даже почувствовал себя более подготовленным и в решении задач, и в латыни, повлияла на то, что беспечная, безрассудная, бездельная жизнь окончилась. Николай достал с чердака учебники и свой любимый «Самоучитель английского языка» и снова с головой погрузился в книги.

Собственная деятельность юноши, его личные качества, воля и труд победили бесовское наваждение. Была достигнута главная победа — победа над собой. Исполнение клятвы, данной матери, что он сдаст экзамены экстерном, стало реальностью.

⁵ Каптерев П. Ф. О подражательности в психологическом и педагогическом отношениях // Образование. 1893. №7–8.

⁶ Там же.

Чтение снова стало для Николая жизненной необходимостью. Он с упоением и страстью читал. Прочитал всего Диккенса, Смайльса, Спенсера, Бокля, читал Шопенгауэра, Маркса, Михайловского, Достоевского, Ницше, Дарвина, Лескова, Тургенева, Чехова, Писарева. Теперь он уже зарабатывал на жизнь не расклейкой афиш и не очисткой крыш, а репетиторством. Писал стихи «и думал, думал, выдумал свою философию — самоцели или самодавления — и писал об этой философии целые тетради». Учился английскому языку. Именно в этот период, по его собственному признанию, он, «нынешний» «вообще наметился пунктиром».

Хотя и с большим запозданием, Николай Корнейчуков все же сдержал обещание, данное матери, он выдержал экзамены за весь гимназический курс. Именно благодаря *саморазвитию и самообразованию*, он стал истинно образованным человеком потому, что «развил и образовал свои способности соответствующими им по качеству и количеству упражнениями». Самообразование позволило ему получить истинное образование, соответствующее «способностям и состоянию ума учащегося», его личным свойствам.

Внешняя природа, люди, окружающие индивида, книги, которые он читает, побуждают и дают лишь материал для деятельности, «но самая деятельность есть его собственная, своеобразная». Это утверждение Каптерева прекрасно иллюстрирует пример, приводимый И. Кантом: «Няня английского короля Якова I, вскормившая его, обратилась к нему с просьбой, чтобы он сделал ее сына джентльменом (воспитанным человеком). На это Яков ответил: «Этого я не могу. Я могу сделать его графом, но джентльменом он должен сделать себя сам».

Путь саморазвития, самообразования и самодетельности прошел Николай Корнейчуков, сделав себя Корнеем Чуковским. Именно в этот период, по его словам, «мутной и раздребезженной молодости» в «Одесских новостях» за 27 ноября 1901 года появилась первая публикация начинающего автора. Фельетон назывался «К вечно-юному вопросу (Об «искусстве для искусства»)» и под ним стояла подпись: *Корней Чуковский*.

